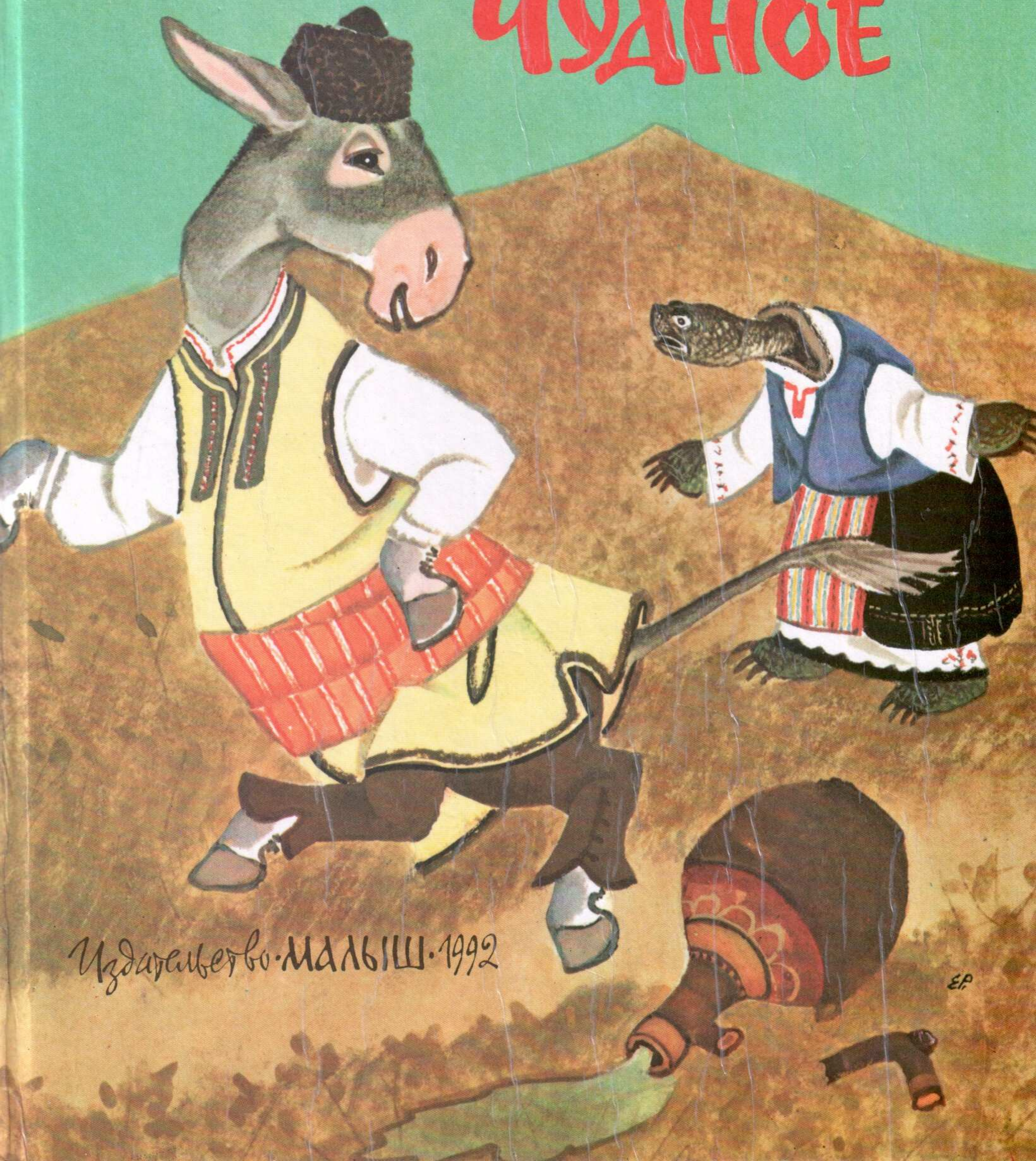

ЧУДО ЧУДНОЕ

Издательство «МАЛЫШ» 1992

ЭР

ЧУДО ЧУДНОЕ

Народные сказки
БОЛГАРСКИЕ
УКРАИНСКИЕ

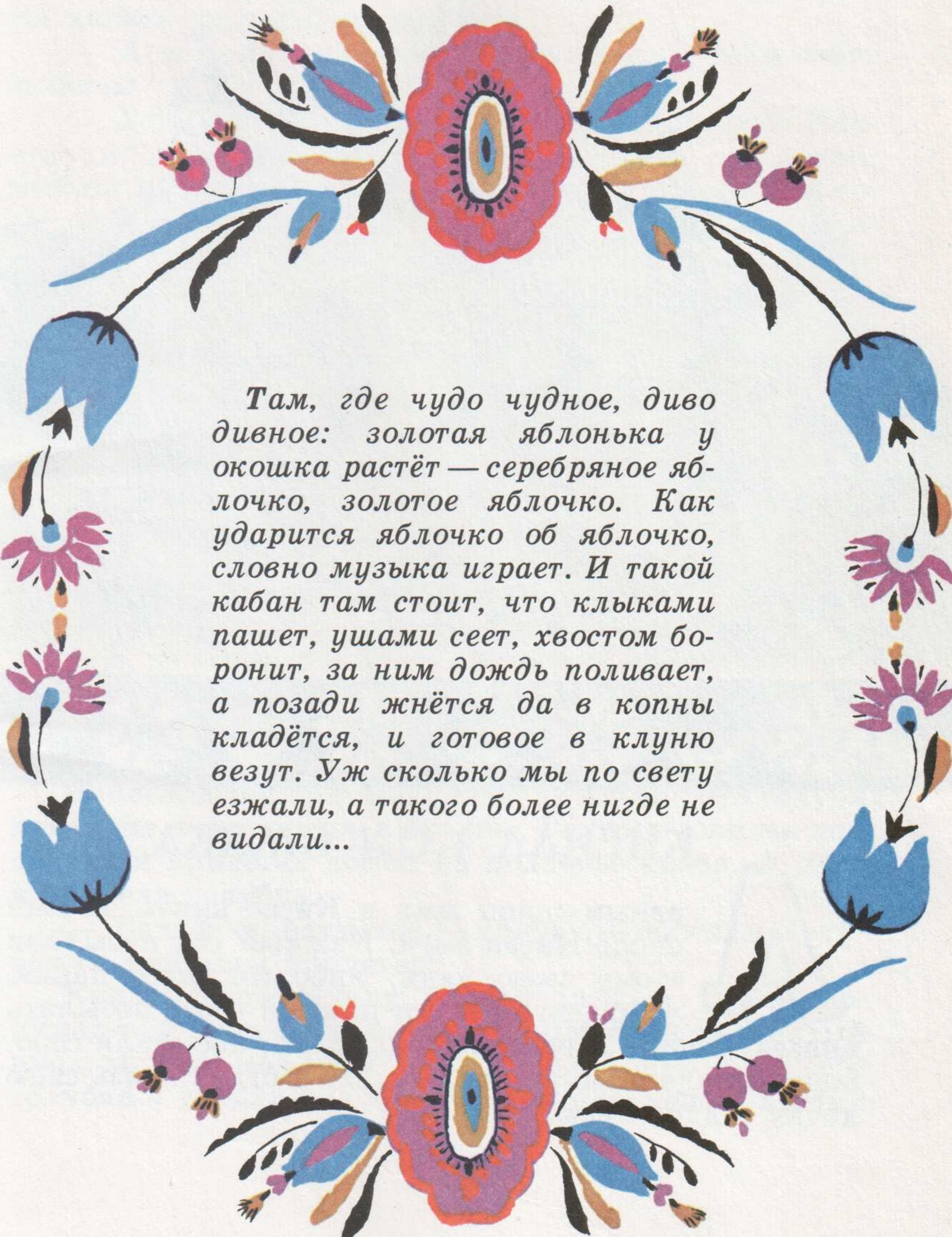
Составитель
Л. ГРИБОВА

Художник
Е. РАЧЁВ

Издательство **МАЛЫШ** Москва 1992

УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ

Там, где чудо чудное, диво дивное: золотая яблонька у окошка растёт — серебряное яблочко, золотое яблочко. Как ударится яблочко об яблочко, словно музыка играет. И такой кабан там стоит, что клыками пашет, ушами сеет, хвостом боронит, за ним дождь поливает, а позади жнётся да в копны кладётся, и готовое в клуню везут. Уж сколько мы по свету езжали, а такого более нигде не видали...

КИРИЛЛ КОЖЕМЯКА

Давным-давно жил в Киеве князь. И был около Киева змей. Каждый год посылали этому змею дань: либо молодого парня, либо девушку. Вот пришёл черёд послать князеву дочку. Ничего не поделаешь: посылали горожане — надо и князю послать. Ну и отдал князь свою дочку в дань змею.

А дочка была так хороша, так пригожа, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Полюбил её змей. Вот она один раз к нему приласкалась да и спрашивает:

— А есть ли на свете такой человек, чтобы тебя поборол?

— Есть, — говорит, — такой в Киеве, у Днепра. Как затопит хату, дым аж под небесами стелется, а как выйдет на Днепр мочить кожи (он ведь кожемяка), то не одну несёт, а двенадцать сразу. Набрякнут они водою в Днепре, я возьму уцеплюсь за них — а ему всё равно: как потащит, так и меня с кожами чуть на берег не вытащит. Вот этого человека только и боюсь.

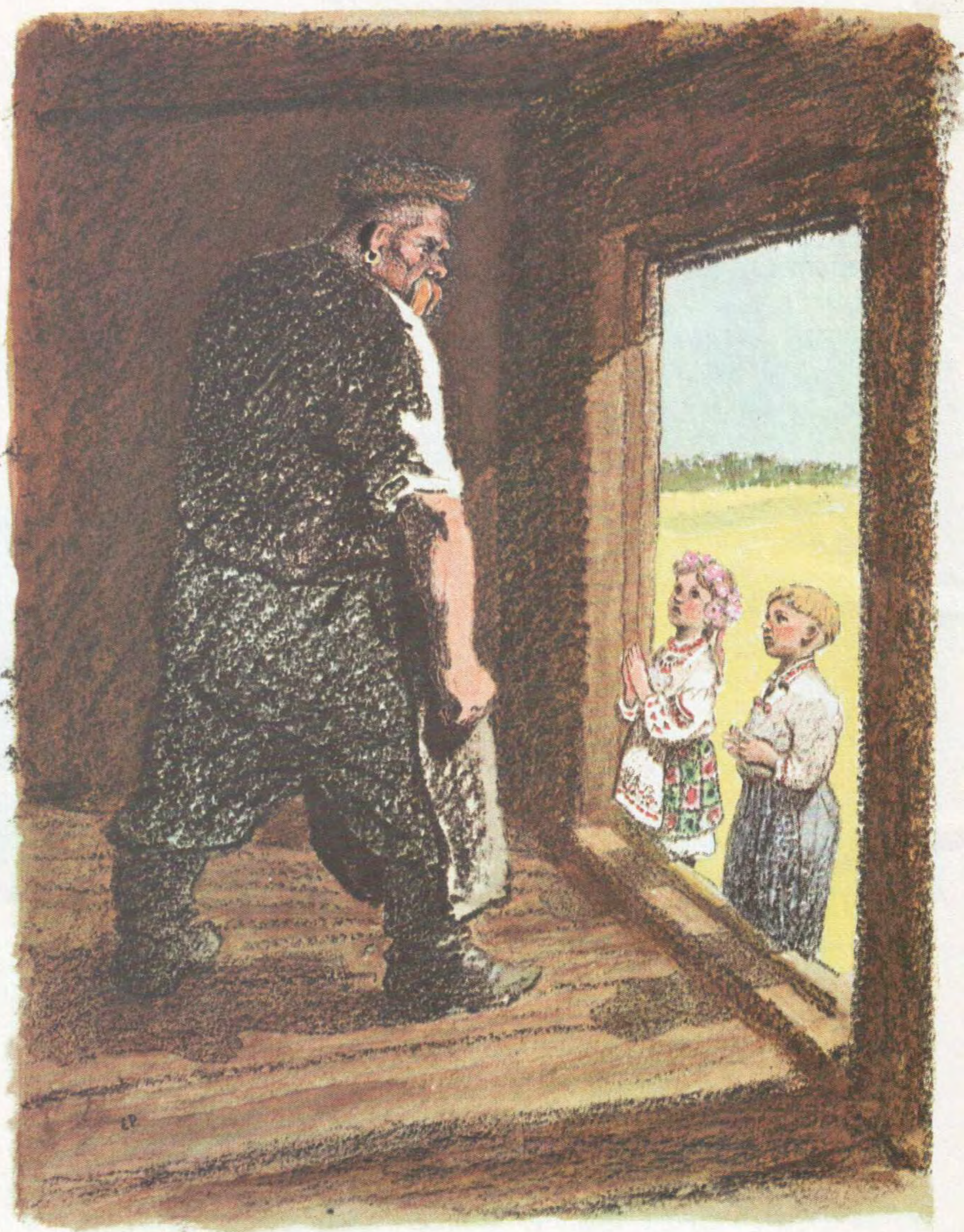
Княжна и задумалась над тем, как бы ей весточку домой подать и на волю к отцу вырваться. А при ней не было ни души, только один голубок. Она вскормила его в счастливые дни, когда ещё в Киеве жила. Думала, думала, а потом и написала отцу:

«Вот так, мол, и так, — пишет, — у вас, батюшка, в Киеве есть человек, по имени Кирилл, по прозвищу Кожемяка. Попросите его через старых людей, не захочет ли он со змеем побиться да не вызволит ли меня, бедную, из неволи? Молите его, родной мой батюшка, и словами и подарками, чтобы не обиделся он за какое-нибудь неучтивое слово! Я за него и за вас буду век Бога молить».

Написала так, привязала под крылышками голубя письмецо и выпустила в окошко. Голубок взвился под облака и прилетел домой на подворье князя. А дети и увидели голубка.

— Батюшка, батюшка, — кричат, — погляди, голубок от сестрицы прилетел!

Князь спервоначалу обрадовался, а потом подумал-подумал, да и затужил: «Неужели проклятый ирод загубил моё дитя?» Но всё же приманил к себе голубка и увидал под крылышком письмецо. Схватил

он его, читает: дочка пишет — так, мол, и так. Тут он поскорее покликнул к себе всех старшин:

— Есть ли такой человек, что прозывается Кириллом Кожемякой?

— Есть, князь, живёт над Днепром.

— Как бы к нему приступить, чтоб не обиделся да выслушал?

Вот они так и этак советовались, да и послали к нему самых старых людей. Приходят они к хате, приотворили дверь со страхом и совсем испугались. Глядят: сидит сам Кожемяка на полу к ним спиной и мнёт руками двенадцать кож. Вот один из посланцев: «Кхе!»

Кожемяка испугался, а двенадцать кож только «трр, трр!». Обернулся Кожемяка, а они ему в пояс: «Вот так, мол, и так: прислал к тебе князь с просьбой». А он и не смотрит и не слушает: рассердился, что через них двенадцать кож порвал.

Они опять давай его просить, давай его молить, стали на колени... И слушать не хочет! Просили, просили, да и пошли, понурив головы.

Что тут делать? Тоскует князь, скучают и все старшины.

«А не послать ли нам теперь младших?»

Послали младших — ничего не сделали и они. Молчит Кожемяка да сопит, будто не ему говорят. Так разобрало его за те кожи!

И догадался князь послать к нему малых детей. Те как пришли, как начали просить, как стали на коленки да как заплакали! Тут и сам Кожемяка не выдержал — заплакал и говорит:

— Ну уж ладно, для вас сделаю!

Пошёл к князю.

— Давайте, — говорит, — мне двенадцать бочек смолы и двенадцать возов конопля.

Обмотался коноплём, обсмолился получше смолой,

взял палицу такую, что, может, в ней пудов десять, и пошёл к змею. А змей ему и говорит:

— Ты что, Кирилл, пришёл биться или мириться?

— Где уж мириться! Биться с тобою, иродом проклятым, пришёл!

Вот и начали они биться — аж земля гудит.

Как разбежится змей да схватит зубами Кирилла, так кусок смолы и вырвет. Ещё разбежится и схватит, так пучок конопли и вырвет. А тот как огреет палицей змея, так и вгонит его в землю. А змей огнём горит, ему жарко, а пока сбегает к Днепру напиться да прохладиться малость, Кожемяка опять коноплей обмотается да обсмолится.

Вот выскочит из воды проклятый ирод, разгонится на Кожемяку, а он его палицей трах! Ещё разгонится, а Кожемяка знай его палицей хлоп да хлоп!

Бились, бились, дым клубом, искры летят. Разогрел Кирилл змея, как кузнец лемех на горне, тот аж перхает, аж захлёбывается, проклятый, а под ним земля стонет.

Народ на горах стоит как неживой; сцепив руки, ждёт, что будет. И вдруг змей — у-у-ух! Земля затряслась. Народ так и всплеснул руками:

— Ай да Кожемяка!

Ну, Кирилл убил змея, вызволил княжну и отдал князю.

Князь уж и не знал, как его благодарить. Вот с того-то времени и начало зваться то место, где он жил, Кожемяками.

З Л Ы Д Н И

Ж

ил да был на свете один человек. И был этот человек такой бедный, что подчас не то что ему, а и ребятишкам его по три дня кряду есть не приходилось. И был у этого человека богатый брат. Всякого добра у этого брата было вдоволь, а всё он кручинился: детей, вишь, у богатея не было.

Вот как-то встречает богач бедняка и говорит ему:

— Кабы родился у меня сын, так и быть — позвал бы тебя в кумовья!

— Не плохо бы, — говорит бедняк.

Через какое-то время прослышал бедняк, что у его брата родился сын. Приходит к жене, говорит:

— Слыхала? У моего брата сын родился!

— Неужто?

— Да, — говорит. — Пойду-ка к нему. Он ведь сулился меня в кумовья просить, ежели у него дитя будет.

— Не ходи, — говорит жена. — Кабы он хотел тебя в кумовья, давно прислал бы за тобою.

— Нет уж, пойду!

Вот пришёл он к брату. Сели все за стол — беседу ведут. Тут пришёл богатый сосед — надо его в красный угол посадить. Ну, богач и говорит брату:

— Подвинься, братец! Пусть соседushка за стол сядет.

Тот подвинулся. Пришёл другой богач. Брат опять:

— Подвинься!

Набралась гостей полна хата, и бедняк-то хоть около стола сидел, а то у порога очутился. Богачей хозяин чествует-угощает, а на бедняка и не глядит. Все гости уж и выпили изрядно и наелись вдосталь, а бедняку и росинки маковой не перепало. Полез он в карман, вытащил подсолнушков горстку, сидит пощёлкивает семечки, вид делает, будто после выпивки закусывает. А богачи увидали подсолнушки.

— Дай, — говорят, — и нам!

— Извольте, — отвечает.

Один взял, другой взял, третий руку протягивает... Да так всё и разобрали.

Бедняк посидел, посидел и пошёл домой несолоно хлебавши.

Приходит домой — жена спрашивает:

— Ну что?

— Ничего, — говорит, — всё было так, как ты сказала: не то что кумом, а глотка не выпил, куска не съел! Подсолнухов горсть была, и ту — увидали — отняли.

А было воскресенье. Взял бедняк скрипку и начал с горя играть. Ребятишки услышали — в пляс пошли. Смотрит бедняк, а с ребятишками будто ещё кто-то пляшет, да не один, а много: маленькие такие, чёрненькие — вроде человечки.

Удивился бедняк, отложил свою скрипочку, и тотчас эти человечки так и прыснули все под шесток. Вот бедняк и спрашивает:

— Кто вы такие?

А те тоненькими голосками отвечают:

— Злыдни мы! Любо нам, ежели человек с хлеба на квас перебивается!

А бедняк думает: «Э-э, вот почему нужда-то меня заглодала!» А потом спрашивает:

— Хорошо ль вам под печкой-то?

— Какое хорошо! Теснотища — дышать нечем! Или не видишь, сколько нас тут развелось?

— Ладно, — говорит бедняк, — вылезайте, я вам другое, просторное место найду!

Принёс он бочку, поставил посреди хаты и говорит:

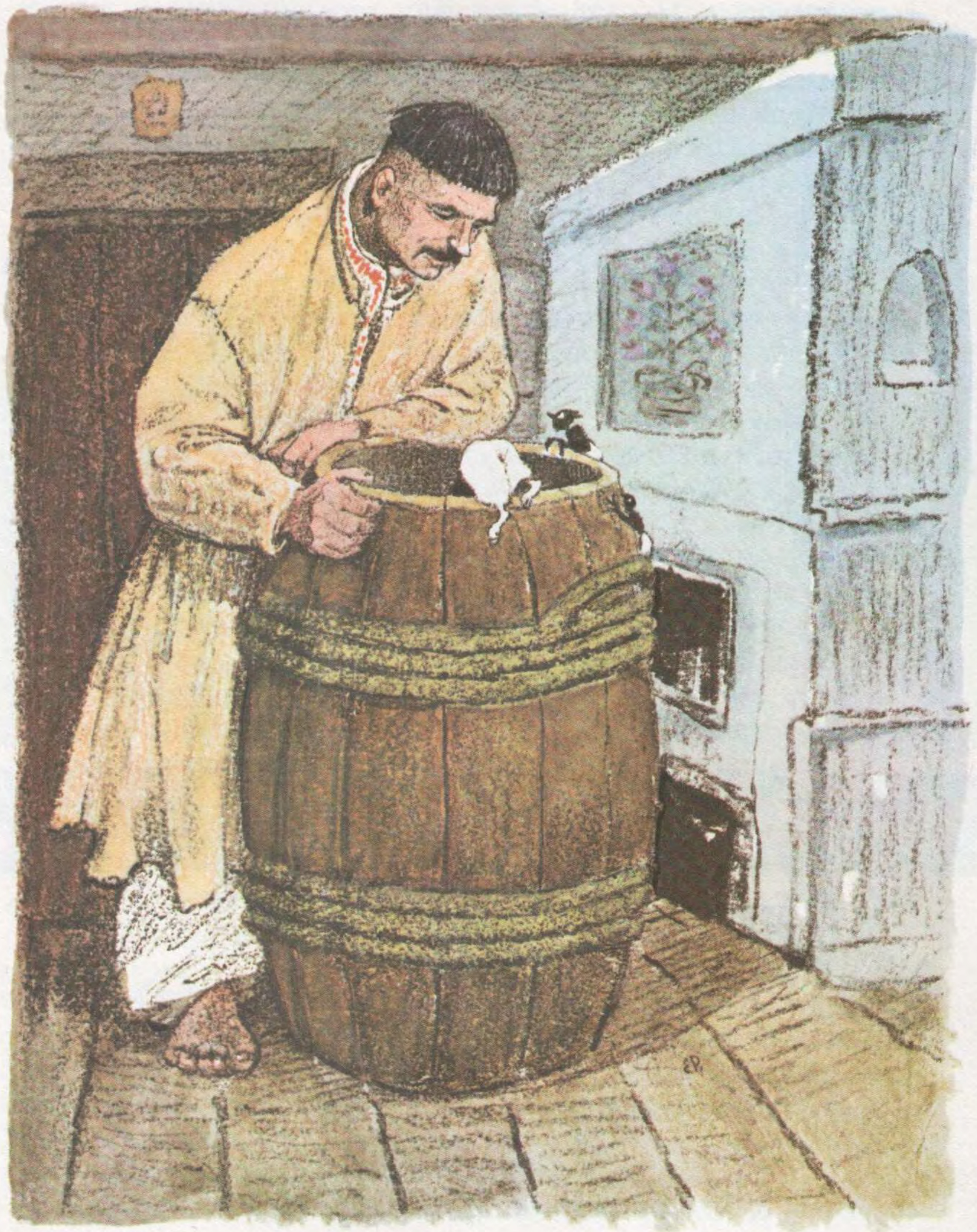
— Лезьте сюда!

Они как начали скакать, друг за дружку цепляться — залезли в бочку все до одного. А бедняк взял донце, накрепко бочку эту закупорил, вывез в поле, да там и оставил.

«Ну, — думает, — может, теперь полегчает малость!»

Прошло с той поры, может, полгода или больше; и — что бы вы думали! — хозяйство бедняка на лад пошло, да так, что и богатые стали ему завидовать.

Что ни сделает, что ни купит, всё складно-хорошо

получается. Посеет жито или там пшеницу — такая уродится колосистая да зернистая! Люди глядят на него, дивуются: прежде детей нечем было кормить, а теперь всего много.

А богатого брата завидки берут... Вот приходит он и говорит:

— Как это так сделалось, что тебе такое счастье привалило?

А тот отвечает:

— Злыдней из хаты выволок, вот и привалило.

— Куда ж ты их выволок?

— Посадил в бочку, вывез в поле, там и оставил.

Побежал богач в поле, нашёл бочку, выбил дно — злыдни горохом и посыпались. Вот он им и говорит:

— Идите к моему брату — он разбогател!

А злыдни ему:

— Ох, нет! Он чуть было нас не погубил — ишь куда запрятал! Мы лучше к тебе пойдём.

Богач от них наутёк, они — за ним. Бежали, бежали и прибежали к нему в хату. Прибежали они к нему в хату да так там расплодились, что твои тараканы. Стал богачей беднеть, беднеть и так обеднел, что хуже брата сделался — когда тот в бедняках ходил. Каялся он, да уж поздно: ничего не поделаешь!

РАЗУМНИЦА

Ж

или-были два брата: один бедный, а другой богатый. Вот богатый как-то сжался над бедным, что у того ни ложки, ни плошки, да и отдал ему дойную корову. Говорит:

— Помаленьку отработаешь мне за неё.

Ну, бедный брат отрабатывает помаленьку. А потом

богачу сделалось жалко коровы, он и говорит бедному:

— Отдавай мне корову назад.

Тот взмолился:

— Братец, я ж тебе за неё отработал!

— Что ты там отработал — как кот наплакал! А корова-то гляди какая! Отдавай, отдавай!

Бедному жалко стало своей работы, не захотел отдать. Пошли они судиться к барину. Пришли. А барину, должно быть, лень было голову ломать — думать, кто из них прав, кто виноват. Вот он и говорит им:

— Кто отгадает мою загадку, того и корова будет.

— Говори, барин!

— Слушайте: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего? Завтра придёте — скажете.

Пошли братья. Богач идёт домой и думает: «Ерунда, а не загадка! Что ж может быть сытее барской свиньи, быстрее барской борзой, милее денег? Моя корова будет!»

Бедный пришёл домой: думал, думал, да и затужил. А у него была дочка Маруся. Она и спрашивает:

— Чего ты, батюшка, растужился? Что барин сказал?

— Да барин такую загадку загадал — голову сломать можно!

— А какая загадка?

— Вот какая: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего?

— Э, батюшка, сытее всего мать-земля — она всех кормит, поит, да и всех поедает; быстрее всего думка — с думкою куда хочешь прилетишь; а милее всего сон — как бы хорошо ни было человеку, он всё бросает, чтобы заснуть.

— Неужто? — говорит отец. — А ведь правда твоя! Так я и скажу барину.

На другой день приходят оба брата к барину. Вот барин их и спрашивает:

— Ну что, отгадали?

— Отгадали, барин, — говорят.

Вот богатый выступил вперёд, чтобы поскорее ответить, да и говорит:

— Сытее всего, барин, ваши свиньи, а быстрее всего ваши борзые, а милее всего — денежки.

— Э-э-э, врешь! — говорит барин. — Ну, а ты?

— Да что ж, барин, нет ничего сытее матушки-земли: она всех кормит, поит, да и всех же поедает.

— Правда, правда! — говорит барин. — Ну, а быстрее всего?

— Быстрее всего мысль-думка — с нею куда хочешь перелетишь.

— Так! Ну, а милее всего что? — спрашивает барин.

— А милее всего сон. Как бы хорошо ни было человеку, он всё покидает, чтоб заснуть.

— Всё так! — говорит барин. — Твоя корова. Только скажи ты мне: сам ли ты отгадал загадки или тебе кто помог?

— Да что ж, барин, — говорит бедняк, — есть у меня дочка Маруся. Это она меня научила.

Барин рассердился:

— Как так! Я такой умный, а она простая девка — и мои загадки отгадала! погоди же! Вот тебе десяток варёных яиц, отдай их своей дочери. Пусть она посадит на них наседку, чтоб наседка за одну ночь вывела цыплят, выкормила их и чтоб твоя дочка зарезала трёх, зажарила на завтрак, а ты, пока я встану, чтоб принёс. Я ждать буду. А не сделает — будет худо.

Идёт бедняк домой, плачет. Приходит, а дочка спрашивает его:

— О чём, батюшка, плачешь?

— Как же мне, дочка, не плакать! Дал тебе барин

десяток варёных яиц да наказал, чтоб ты посадила на них наседку, чтоб наседка за одну ночь вывела и выкормила цыплят, а ты чтоб зажарила ему трёх на завтрак.

А дочка взяла горшочек каши и говорит:

— Отнеси, батюшка, эту кашу барину да скажи ему: пускай он вспашет землю, посеет эту кашу, и чтоб она выросла просом, поспела, и чтоб он просо скосил, смолотил и натолок пшена — кормить тех цыплят, которым надобно вылупиться из этих яиц.

Приносит бедняк барину эту кашу, отдаёт её и говорит: так, мол, и так дочка наказала.

Барин смотрел, смотрел на эту кашу, да и выбросил её собакам. Потом нашёл где-то стебелёчек льна, отдал его бедняку и говорит:

— Отнеси дочери этот лён. Пускай она его вымочит, высушит, помнёт, попрядёт и соткёт сто локтей полотна. А не сделает — будет худо.

Идёт бедняк домой, опять плачет. Встречает его дочка, спрашивает:

— О чём, батюшка, плачешь?

— Гляди-ка чего: пан дал тебе стебелёчек льна, да чтоб ты его намочила, высушила, помяла, напряла и выткала сто локтей полотна.

Маруся взяла нож, пошла и срезала тоненькую веточку с дерева, дала отцу и говорит:

— Неси, батюшка, к барину. Пускай он из этого дерева сделает мне гребень, гребёнку и днище, чтоб было на чём прять этот лён.

Приносит бедняк барину эту веточку и говорит, что дочка велела из неё сделать. Барин глядел, глядел, взял да и бросил веточку, а сам думает: «Разве эту обдуришь? Видать, она не из таких!» Потом думал, думал и говорит бедняку:

— Поди скажи своей дочери: пускай она придёт ко мне в гости, да так, чтобы ни шла ни ехала, ни босая

ни разутая, ни с гостинцем ни без гостинца. А если она этого не сделает — будет худо.

Идёт отец, плачет. Пришёл, да и говорит дочери: — Ну что, дочка, будем делать? Приказал барин так и так. — И рассказал ей всё.

Маруся говорит:

— Не тужи, батюшка, всё ладно будет. Пойди купи мне живого зайца.

Пошёл отец, купил живого зайца. А Марусенька одну ногу обула в рваный башмак, другую оставила босой. Потом поймала воробья, взяла сани, запрягла в них козла. Зайца спрятала под мышку, воробья взяла в руку, одну ногу поставила в сани, а другою ступает по дороге — одну ногу козёл везёт, а другою идёт. Приходит этак к барину во двор, а он как увидел, что она так идёт, кричит слугам:

— Травите её собаками!

Те стали травить её собаками. А она и выпустила зайца. Собаки погнались за зайцем, а её бросили. Она тогда пришла к барину в хоромы, поклонилась и говорит:

— Вот вам, барин, гостинец, — да и подаёт ему воробья.

Барин только руки протянул, а она взяла и выпустила воробышка, он — порх! — и улетел в открытое окно.

На ту пору пришли мужики к барину судиться. Барин и спрашивает.

— Чего вам, люди добрые?

Один говорит:

— Да вот что, барин: ночевали мы вдвоём в поле, а утром встали, глядь — моя кобыла жеребёнка привела.

А другой человек говорит:

— Враки это, моя привела! Рассуди нас, барин. Вот барин думал, думал и говорит:

— Пригоните сюда жеребёнка и лошадей — к которой жеребёнок побежит, та и привела.

Пригнали запряжённых кобыл и пустили жеребёнка. А те два хозяина так затаскали этого жеребёнка каждый в свою сторону, что он уж и не знал, куда ему бежать, — взял да и побежал незнамо куда. Ну, все растерялись: что тут делать, как рассудить? А Маруся говорит:

— Вы жеребёнка-то привяжите, а матерей распрягите да и пустите — которая побежит к жеребёнку, та и привела.

Так и сделали: распрягли лошадей, жеребёнка привязали: одна и побежала к нему, а другая стоит.

Ну, тут барин видит, что она такая разумная — никак её не перехитришь, — и отпустил её с миром.

СТАРИКОВА ДОЧКА И СТАРУХИНА ДОЧКА

Ж

или-были старик со старухою, и была у них дочка. Долго ли коротко ли прожила старуха на свете, да и вздумала помереть; а как помирала, вот что наказала старику:

— Если ты, старик, вздумаешь жениться, то смотри не бери той вдовы, что по соседству живёт со своей

дочкой. Она тебе будет женою, а нашему дитятке не будет матерью!

— Ладно,— говорит старик,— ни на ком не женюсь!

Вот схоронил старик старуху и поминки справил как полагается, да и живёт один-одинёшенек. А малое время спустя шёл он как-то селом, да и зашёл к той вдове, о которой старуха говорила. И забыл он, что обещал своей старухе ни на ком не жениться. Сидит у вдовы, разговаривает, а под конец и о свадьбе речь завёл. Вдова рада до смерти.

— Я давно этого ждала!— говорит.

Вот забрала она всё своё добро и вместе с дочкой пошла жить к деду.

Живут они все вместе — старикова дочка и старухина дочка. И невзлюбила злая баба старикову дочку: донимает бедную девку. Да и меж собой девушки часто ссорятся.

Пойдут, бывало, на посиделки — старикова дочка прядёт, а старухина знай всю ночь гуляет. А гуляючи-то, всю пряжу спутает да порвёт. Домой идут рано утром. Дойдут до перелаза — старухина дочка и говорит:

— Дай мне пасмы, сестрица, я подержу, пока ты перелезешь.

— Ладно,— отвечает,— на, сестрица.

Вот пока старикова дочка перелезает, старухина схватит пасмы, прибежит к матери и наговорит с три короба, будто падчерица всю ночь гуляла, пряжу порвала, перепутала.

— А я пряла и домой поспешала. Видишь, какая она ленивая, нерадивая!

Придёт старикова дочка домой, а мачеха ну её бить-колотить, деду жаловаться:

— Никудышная твоя дочь — не хочет работать! А ты не хочешь её учить!

Как мачеха ни злилась, как ни издевалась над падчерицей, что про неё деду ни наговаривала, та всё терпит: работает себе молча. А бабе досадно смотреть на неё, обидно, что дед её жалеет. И стали они с дочерью советоваться, как бы эту падчерицу со свету сжить.

И начала старуха к старику приставать.

— Твоя дочь ленивая, ничего не хочет делать, только гуляет да спит. А ты всё её жалеешь! Ты б лучше отдал её в батрачки.

— Да куда я отдам-то? — спрашивает дед.

— А коли некуда, веди куда знаешь!

И так проклятая баба пристала к деду, так его изо дня в день допекала, что дед свету белого невзвидел. Жалко дочери, а ничего не поделаешь.

Вот собрались они, пошли. И зашли в дремучий лес. Дочка и говорит:

— Иди, батюшка, домой, а я дальше одна пойду. Авось найду себе работу.

— Ладно, — отвечает дед.

Попрощался да и пошёл в одну сторону, а девушка — в другую.

Вот идёт она, идёт этим дремучим лесом; смотрит — стоит яблонька, да такая запущенная, бурьяном заросшая, что и не видно её.

— Девушка-голубушка, — говорит эта яблонька, — обчисти меня, прополи меня, я тебе шибко пригожусь!

Ну, старикова дочь засучила рукава, обчистила эту яблоньку, прополола, песочком кругом посыпала. Яблонька поблагодарила её, и девушка пошла дальше.

Бежит навстречу собака, да такая шелудивая, глаза б не глядели, и говорит:

— Девушка-голубушка, почисти меня, причеши меня, я тебе шибко пригожусь!

Вот девушка эту собаку вычесала, репы из хвоста вытащила.

— Спасибо тебе, милая! — говорит собака.

— Не за что, — сказала девушка и пошла дальше. Смотрит — стоит печь, облупленная, чёрная, а рядышком глина лежит. Вот печка и говорит:

— Девушка-голубушка, обмажь меня, приукрась меня, я тебе шибко пригожусь!

Ну, девушка замесила глину, обмазала её кругом как следует быть, цветами да листьями разрисовала. Печка поблагодарила девушку, и она пошла дальше.

Идёт, идёт — встречается ей женщина.

— Здравствуй, девушка! — говорит.

— Доброго здоровья!

— Куда же это ты идёшь?

— Иду — может, где в батрачки наймусь.

— Иди ко мне!

— Ладно, — отвечает девушка, — пойду.

— У меня, — говорит женщина, — будет нетрудно, лишь бы ты делала всё так, как я тебе покажу. Сумеешь?

— Почему ж не сумеешь? Один раз покажете, а дальше сама буду знать.

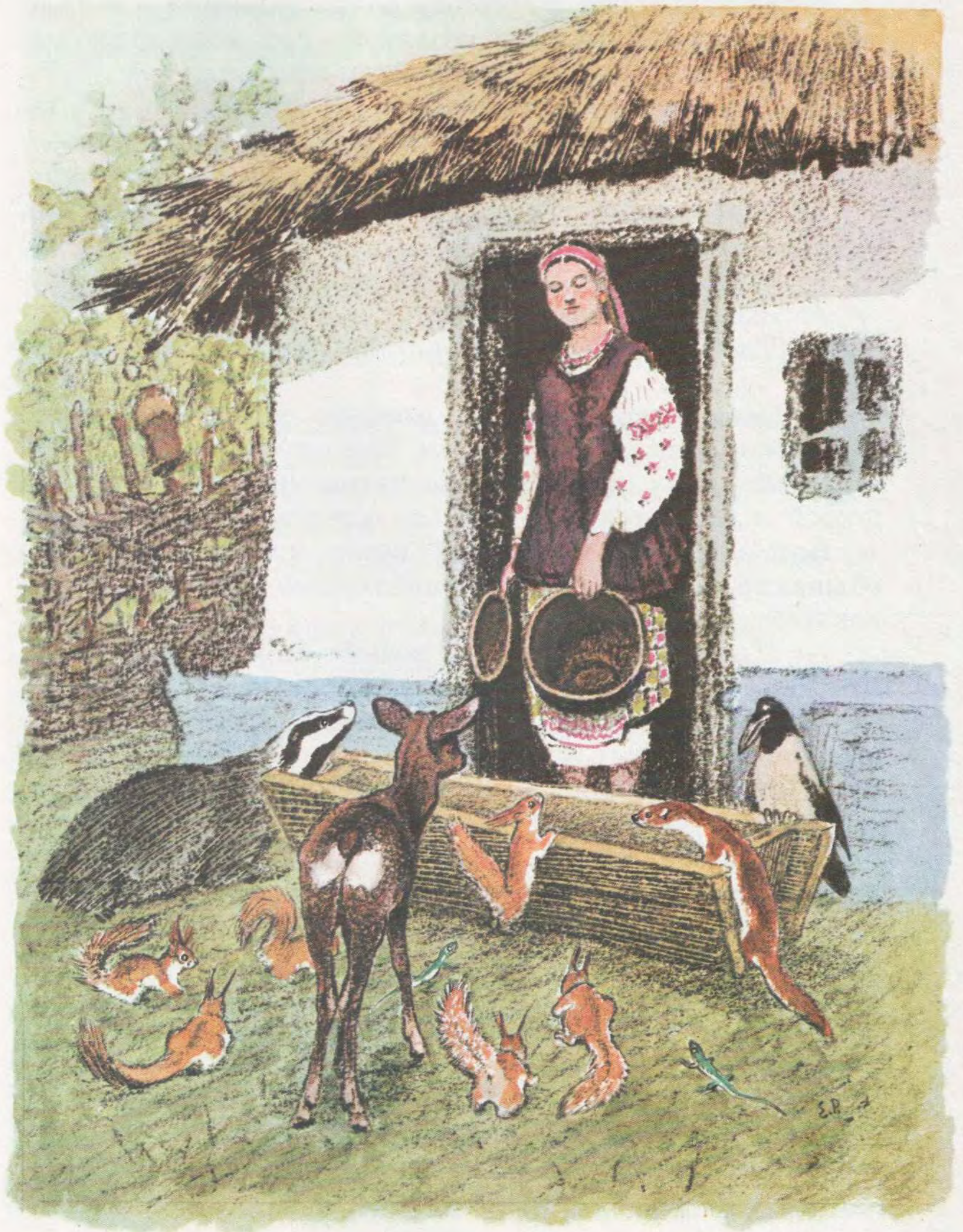
Вот пришли они в хату; женщина и говорит:

— Ну, девушка, видишь — стоят горшки. Поутру и вечером будешь ты кипятить в этих горшках воду, воду эту будешь выливать в корыто, насыпать туда муку и делать болтушку. Только гляди, чтоб не горячо было! После будешь становиться на пороге да свистать громким посвистом трижды. И сползутся к тебе разные зверюшки — ты накормишь их хорошенько. Да не бойся их — зла тебе никакого не будет.

Девушка сказала:

— Ладно, всё исполню, как вы приказали.

Вот они поужинали. Затопила девушка печь, нагрела воды, вылила в корыто, муки туда всыпала и заболтала. Потом стала на пороге, трижды громким посвистом свистнула, — как полезло всякое зверьё к корыту! Наелись и расползлись кому куда надо.

E.P.

И так целый год старикова дочка служила и делала всё, что приказывала ей хозяйка. Вот кончился год, и говорит хозяйка стариковой дочери:

— Слушай-ка, девушка! Сегодня ровно год, как ты у меня. Ежели хочешь, оставайся ещё. А не хочешь — как хочешь. Ты хорошо у меня работала, спасибо тебе.

Девушка поблагодарила хозяйку за хлеб, за соль и за всё и сказала так:

— Хочу домой. Спасибо вам, хозяйюшка!

А хозяйка и говорит ей:

— Так иди же выбери какого хочешь коня и повозку.

А сама наготовила ей полную укладку всякого добра и проводила до опушки. Там они и попрощались. Хозяйка вернулась домой, а старикова дочка поехала домой и радуется, что всё так хорошо обошлось.

Вот едет она мимо той печи, которую когда-то обмазала, глядит, в ней полнёхонько пышек. Печь и говорит:

— Девушка-голубушка, возьми мои пышки за то, что ты меня прибрала да приукрасила.

Девушка поблагодарила и только подъехала к печке, пышки — прыг, прыг! — и попрыгали сами в повозку. Печь заслонилась, а девушка поехала дальше.

Вот едет она да едет, смотрит — бежит собака и несёт монисто — такое красивое, блестящее, длинное ожерелье. Подбежала собака к повозке и говорит:

— Девушка-голубушка, за то, что ты мне шёрстку причесала и репы из хвоста вытащила — возьми ожерелье-монисто.

Девушка взяла, поблагодарила и поехала дальше радуясь.

Смотрит — стоит яблоня, такая густая, глаз не отвести. А на ней яблочки серебряные, золотые — много-много! Вот яблонька и говорит:

— Девушка-голубушка, возьми эти чудесные яб-

лочки за то, что ты меня почистила, приукрасила.

Девушка сказала:

— Спасибо!

Подъехала под яблоньку, а яблочки — прыг, прыг! — сами в повозку.

Вот приехала старикова дочка домой и зовёт:

— Батюшка! Идите забирайте добро!

Вышел дед из хаты, смотрит — дочка приехала; он обрадовался, кинулся к ней да и говорит:

— Где же ты, дочка, была?

— Служила, батюшка, — говорит дочка. — Несите добро!

А добра-то полный воз, ещё и монисто дорогое!

Стали в избу вносить — то хорошо, а это ещё краше. Вот увидела баба, что старикова дочка навезла всякой всячины, и напала на деда:

— Веди да веди мою дочку туда, куда свою водил!

И так она к нему прилипла, что он сказал:

— Пускай собирается, поведу.

Вот попрощались, и пошёл старик со старухиной дочкой. Зашли в лес, старик и говорит:

— Ну иди, дочка, а я вернусь домой.

— Ладно, — отвечает.

И разошлись: девушка в лес пошла, а старик домой вернулся.

Вот идёт старухина дочка дремучим лесом, смотрит — стоит яблонька, такая запущенная, бурьяном заросшая, что и не видно её.

— Девушка-голубушка, — говорит эта яблонька, — обчисти меня, прополи меня, я тебе шибко сгожусь!

А девушка отвечает:

— Как бы не так. Стану я руки портить! Некогда мне! — и пошла дальше.

Вот идёт она мимо той печи, а печь и говорит:

— Девушка-голубушка, обмажь меня, приукрась меня, я тебе шибко пригожусь!

— Нашла дуру, стану я мараться! — сказала старухина дочка, осерчала и пошла дальше.

Смотрит — бежит собака, да такая шелудивая, что гадко на неё взглянуть.

— Девушка-голубушка, почишь меня, причеши меня, я тебе шибко пригожусь!

Девушка поглядела, да и говорит:

— Выдумала, что сказать! Такая паршивая, а хочет, чтобы я с ней возилась! Не дождёшься! — И пошла дальше.

Вот повстречалась ей та самая женщина, у которой старикова дочка служила.

— Здравствуй, девушка! — говорит.

— Доброго здоровья, тётенька!

— Куда ты идёшь? — спрашивает.

— Да хочу, тётенька, наняться куда-нибудь.

— Иди ко мне!

— Ладно, тётенька. А какая у вас работа?

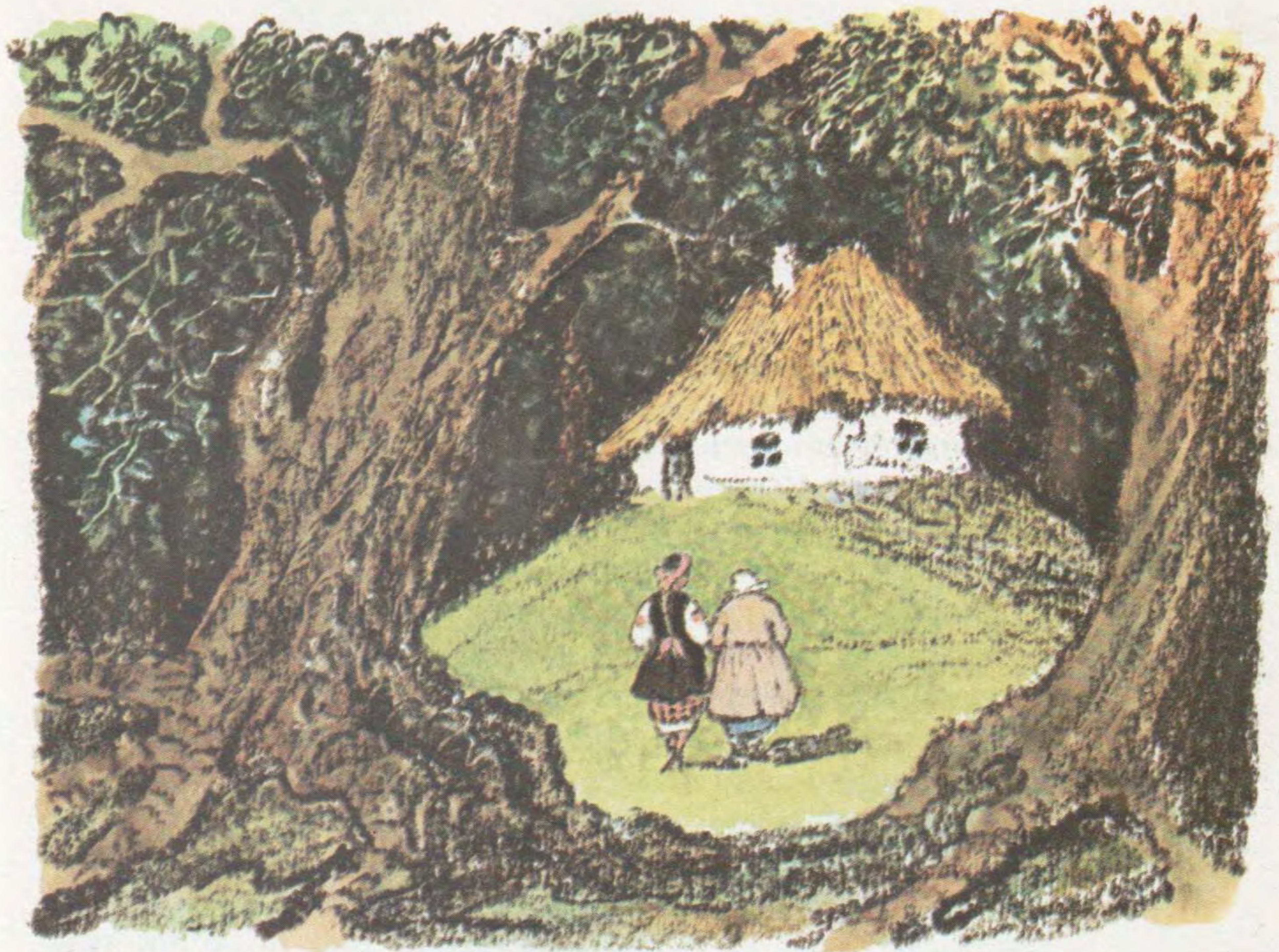
— Да нетрудная, дочка! Лишь бы ты сумела всё сделать, как я скажу.

— А почему не сумеешь? Раз скажете, а на другой раз сама знать буду.

— Вот что, девушка, — говорит женщина, — видишь — стоят горшки? Поутру и вечером будешь ты кипятить в этих горшках воду; воду эту будешь выливать в корыто да насыпать туда муку и делать болтушку. Только гляди, чтоб не горячо было! После будешь становиться на пороге да свистать громким посвистом трижды. И соберутся к тебе разные зверюшки; ты накормишь их хорошенько, они и уползут кому куда надо. Да не бойся их — зла тебе никакого не будет. Сумеешь сделать?

— Сумею! — сказала старухина дочка.

Вот они поговорили, а вечером старухина дочка

затопила печь, поставила горшки с водой и, как только вода закипела ключом, всыпала туда целую мерку муки, и получилось не пойло, а месиво. Вывалила она это месиво в корыто, сама стала на порог, свистнула раз, другой, третий... Вот стали собираться разные зверюшки. Бросились они к корыту, и какой ни схватится за еду, так и падает наземь кверху лапами. Так все и подошли — обожглись да подавились.

Видит старухина дочка, что все наелись, легли, а не встают, пошла к хозяйке и говорит:

— Что это у вас, хозяйка, скотина какая чудная? Все наелись, легли и не встают!

— Как не встают? — крикнула хозяйка и кинулась к корыту.

Увидала, что неживые все, схватилась за голову да как закричит:

— Ой, батюшки, ой, родимые! Что ты наделала! Ты их погубила!

И бранилась и плакала, да ничего не помогло. Ну, сложила она всех зверюшек в укладку и заперла на ключ.

Вот кончился старухиной дочке год, дала ей хозяйка коня шелудивого да телегу разбитую, немазаную, а на эту телегу поставила укладку сдохлыми зверюшками и выпроводила в лес.

Доехала старухина дочка до той печи, и сильно ей захотелось есть. А на шестке пышки — сдобные, румяные. Только потянулась старухина дочка за одной, а пышки — прыг, прыг! — и ускакали в печку. Заслонка хлопнула, печка и говорит:

— Э-э, девушка, не обмазала мне бочков — не видать тебе и пирожков!

Заплакала девушка и поехала дальше.

Доезжает она до яблоньки. А на ней яблочек так много, что негде курочке клюнуть, да такие все хорошие — серебряные, золотые, глаз не отвести. Вот она и думает:

«Дай хоть яблочек натрясу, матери гостинца отвезу».

Только подошла, а яблочки — скок! — все как одно кверху. Яблонька и говорит:

— Э-э, девушка-голубушка, не хотела меня в порядок привести, не будешь и яблочки есть!

Заплакала старухина дочка и поехала дальше.

Смотрит — бежит собака и у неё на шее висит монисто, такое красивое, блестящее да длинное. Бросилась девушка за этой собакой — монисто отнять хотела, а собака и говорит:

— Э-э, девушка, не хотела меня причесать, обрядить — в ожерелье тебе не ходить!

Да и убежала. Заплакала старухина дочка и поехала домой.

Вот приехала она домой — зовёт старика со старухой:

— Идите забирайте добро!

Дед и баба выбежали из хаты, смотрят — дочка приехала. Обрадовались, повели её в хату, внесли укладку.

Вот открыли они укладку — смотрят, а там жабы, ящерики, гадюки! Баба как закричит:

— Дочка, что это такое?

Тогда старухина дочка стала рассказывать, что и как было. Рассказала всё, а старуха и говорит:

— Сиди уж лучше дома. Та добра привезла, а ты гадюк околелых! Ещё хорошо, что жива осталась.

Вот так они и живут: хлеб-соль жуют...

Я там была, мёд-пиво пила, мимо рта текло, а в рот не попало.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Жили себе дед да баба. У них было три сына: два умных, а третий — дурень. Старики умных любили. Баба умным, что неделя, рубашки даёт, а над дурнем все смеются, все ругают. Сидит он на печи в посконной рубахе; сунет баба ему поесть — поест, а то и голодный сидит.

Вот пришла раз в деревню весть: выдаёт царь свою дочь замуж и собирает всё царство на обед. А выдаст царь дочку замуж за того, кто построит летучий корабль и на том корабле прилетит.

Умные братья пошли в лес. Срубили там дерево и стали думать, как бы летучий корабль построить. Подходит к ним старичок древний.

— Бог помочь, сыночки! Дайте-ка огоньку трубку раскурить.

— Некогда нам, старик, с тобой возиться!

И опять стали думать.

— Славное свиное корыто выйдет у вас, детки, — сказал старик. — А царевны вам не видать, как своих ушей!

Сказал — и не стало того старика. Бились, бились братья — ничего у них не вышло.

— Поедем в город на конях, — говорит старший брат. — На царевне не женимся, так хоть попируем.

Старики их благословили, в путь-дорогу снарядили. Напекла старуха пшеничного хлеба, поросёнка зажарила, фляжку молока дала.

Сели братья на коней и отправились.

Дурень услышал, что братья поехали, тоже просится:

— Пойду и я туда, куда братья пошли!

— Куда ты, дурень, пойдёшь! — говорит мать. — Тебя в лесу волки заедят.

— Нет, не заедят!

«Пойду да пойду», — сладу с ним не стало.

Ну, баба положила ему в торбу чёрствого хлеба да водицы фляжку дала и выпроводила из дому.

Пошёл дурень в лес. Повстречал на дороге древнего старичка. Такой старый старичок, а борода совсем белая — до пояса.

— Здоровы будьте, дедушка!

— Здорóво, сынок!

— Куда вы, дедушка, идёте?

— Да вот хожу по свету, из беды людей выручаю.

А ты куда?

— Я к царю на обед.

— А ты разве умеешь сделать такой корабль, чтобы сам летал?

— Нет, не умею.

— Так чего же ты идёшь?

— Да братья мои пошли, и я пошёл. Может, и найду своё счастье там.

— Ну, ладно. Садись-ка, давай отдохнём да подкрепимся. Вынимай из торбы, что там у тебя есть.

— Да вы, дедушка, и есть не станете: у меня чёрствый хлеб только.

— Ничего, давай, что есть.

Полез дурень в торбу и вынул хлеб. Да только не чёрный и не чёрствый, что мать ему положила, а пшеничный да пышный, какой только у пана по праздникам едят. Подивился дурак, а дед посмеивается.

Ну, они отдохнули, поели как следует. Поблагодарил старик дурня за угощение и говорит:

— Слушай, сынок, что я тебе скажу. Иди в лес, найди самый большой дуб, у которого ветви крест-накрест растут. Ударь тот дуб три раза топором, а сам падай ниц и лежи, пока тебя кто не окликнет. Тогда корабль тебе построится. Ты садись на него и лети, куда тебе надо. Но смотри, забирай с собой всех, кого бы в пути ни встретил!

Поблагодарил дурень деда, и распростились они. Пошёл дурень в лес, нашёл дуб, на котором ветви крест-накрест растут, ударил три раза топором, сам упал на землю и заснул. Спал, спал, вдруг слышит — кто-то его зовёт:

— Вставай, друг, твоё счастье пришло!

Вскочил и видит: стоит корабль, весь золотой, мачты серебряные, а паруса шёлковые. Так и вздуваются — садись и лети!

Он недолго думая вскочил на корабль, паруса натянул и полетел.

Так полетел плавно да быстро! Летел, летел, а сам всё на землю смотрит. Видит — человек припал к земле ухом и слушает. Дурень крикнул:

— Здоровы будьте, добрый человек! Что вы делаете?

— Слушаю, собрались ли к царю на обед гости.

— А вы к царю идёте?

— К царю.

— Садитесь со мной, я подвезу.

Тот сел, они и полетели.

Летели, летели, видят — идёт дорóгой человек: одна нога за ухом привязана, а на другой скачет. Дурень опять крикнул:

— Здоровы будьте, добрый человек! Чего вы на одной ноге скачете?

— А потому я скачу на одной ноге, — отвечает человек, — что коли б я отвязал и другую ногу, то за один шаг весь бы свет обошёл. А я не хочу.

— Куда ж вы идёте?

— К царю на обед.

— Садитесь с нами!

— И то хорошо!

Сел — и снова полетели.

Летели, летели, видят — стоит на дороге стрелок и прицеливается из лука, а кругом ничего не видно: ни птицы, ни зверя — одно чистое поле.

— Здравствуйтесь, добрый человек! Куда это вы целитесь? Не видно ни птицы, ни зверя.

— Так что же, что не видно? Это вам не видно, а мне видно.

— Да где же вы видите?

— Э-э! Вон за тем лесом, за сто вёрст, сидит на дубу орёл.

— Садитесь с нами!

Он сел, спять полетели. Летели, летели, видят — идёт старик по дороге и несёт полный мешок хлеба.

— Куда, дедушка, поспешаете?
— Иду,— говорит,— хлеба добывать себе на обед.
— Да у вас и так полный мешок!
— Много ли тут хлеба! Мне и на один глоток не хватит.

— Садитесь с нами!

И старика с собой взяли. Опять полетели.

Видят — ходит какой-то старик около озера, словно чего-то ищет.

— Что вы тут ходите, дедушка? — крикнул ему дурень.

— Пить,— отвечает,— хочу, да никак воды не найду.

— Да перед вами же целое озеро! Чего вы не пьёте?

— Э! Много ли тут! Мне и на один глоток не хватит.

— Так садитесь с нами!

Старик сел, дальше полетели. Повстречали и ещё старика. Идёт в село и тащит мешок соломы.

— Здоровы будете, дедушка! Куда вы несёте соломому?

— В село.

— Да вы что! Неужто в селе соломы нет?

— Э,— говорит,— та не такая!

— А эта какая же?

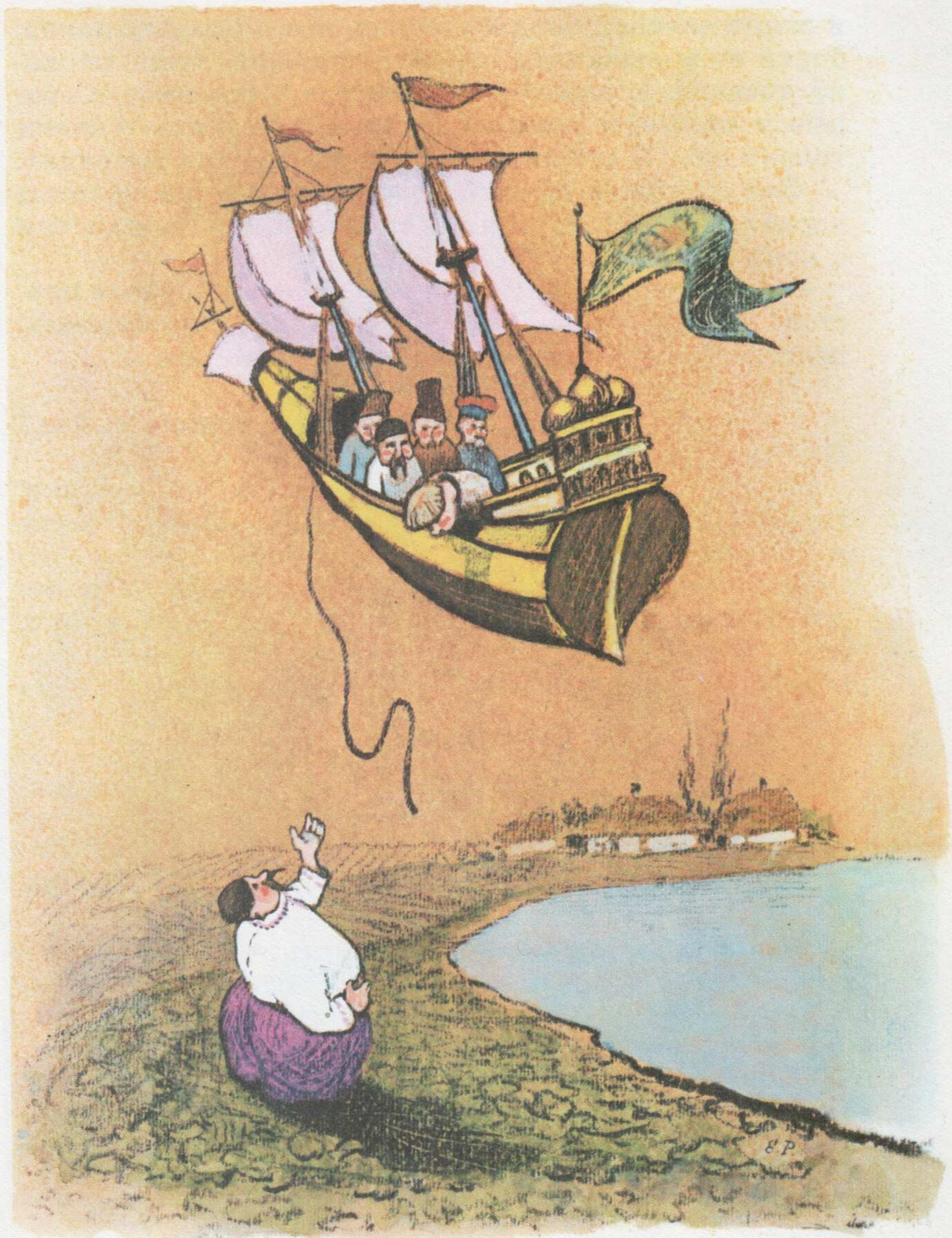
— А такая, что какая бы жарница ни стояла, как бы солнышко ни пекло, только раскидай ту соломому — сразу и мороз и снег будет.

— Ну,— говорит дурень,— садитесь с нами, поедим к царю!

— Что ж, поедим!

Сел и полетели.

Долго ли они летели, нет ли, но прилетели к царю на обед. А там посреди двора столы понаставлены, на столах всякое угощенье: быки жареные, колбасы

8P

и птица всякая, каша молочная, всего полным-полно, бочки пива выкачены — пей, душа, ешь, душа, сколько хочешь! А людей — полцарства собралось: и старые, и малые, и паны, и богатые, и бедняки — каких только нет! И старшие братья, умные, тут же сидят.

Вот прилетел дурень с товарищами на золотом корабле, спустился у царя под окнами. Вышли они с корабля и пошли обедать.

Удивился царь. Прилетел на золотом корабле простой мужик, рубаха на нём — заплатка на заплате, штаны старые, простые, а сапог и вовсе нет.

Царь так за голову и схватился:

— Чтобы я свою дочку за такого холопа выдал? Не будет этого!

И стал он думать, как избавиться от мужика. Придумал он ему загадки загадывать. Позвал слугу и говорит:

— Пойди скажи этому холопу: хоть он и на золотом корабле прилетел, не видать ему моей дочери, если не принесёт живой воды, пока гости мои не пообедают. А не достанет воды — мой меч, его голова с плеч!

Пошёл слуга.

А Слухало услышал, что царь говорит, и рассказал дурню. Приуныл дурень: не ест, не пьёт, сидит на лавке, голову опустил.

Скороход спрашивает:

— Ты чего вдруг приуныл?

— Хочет мне царь задачу дать: чтобы я, пока гости обедают, принёс ему живой воды. Как я её добуду?

— Не горюй, я тебе достану.

— Ну, смотри.

Слуга приходит с царским приказом. А дурень уже всё знает.

— Скажи, — говорит, — что принесу!

Отвязал Скороход одну ногу от уха да как махнул — в один миг набрал живой воды. Набрал, утомился.

«Пока они ещё там обедают, — думает, — сяду я под кустик, отдохну немного».

Сел, да и заснул. У царя уже обед к концу идёт, а его всё нет. Дурень сидит ни живой ни мёртвый. «Пропал», — думает. Слухало приложил ухо к земле — давай слушать. Слушал, слушал...

— Не горюй, — говорит, — спит он, такой-сякой, под кустиком.

— Что же мы теперь будем делать? — спрашивает дурень. — Как его разбудить?

Стрелок отвечает:

— Не бойся, я его сейчас разбужу.

Натянул он лук, пустил стрелу в кустик; ветки зашатались и поцарапали Скорохода. Он вскочил, шаг шагнул — гости ещё обедать не кончили, а он уж принёс живую воду.

Царь подивился, но ничего не сказал.

— Пойди, — говорит слуге, — скажи этому хлопцу: коли съест со своими товарищами за один раз двенадцать пар быков жареных и двенадцать печей хлеба — отдам мою дочку за него. А не съест — мой меч, его голова с плеч!

Слухало услышал, опять рассказал дурню.

— Что мне теперь делать? Я и одного хлеба за один раз не съем! — говорит дурень.

И опять голову повесил, запечалился.

Услыхал Обьедало:

— Не горюй, друг: я за вас за всех поем, ещё и мало будет.

Приходит слуга, а дурень ему и говорит:

— Знаю, знаю царский приказ! Пойди скажи — пусть готовят еду.

Вот зажарили двенадцать пар быков, напекли

двенадцать печей хлеба. Объядало как принялся уплетать — всё начисто поел да ещё просит.

— Эх, — говорит, — мало, хоть бы ещё столько дали!

Царь сердиться стал. Дал ещё задачу: велел двенадцать бочек пива и двенадцать бочек вина одним духом выпить.

— Не выпьет — мой меч, его голова с плеч!

Слухало услышал приказ, опять дурню рассказал. А Опивало и говорит:

— Ладно, друг, не горюй: я всё выпью, ещё и мало будет.

Выкатили им двенадцать бочек пива и двенадцать бочек вина. Принялся Опивало пить — всё до капли выпил и побрякивает:

— Скучно царь угощает, маловато! Ещё бы столько выпил.

Царь видит, что дело плохо, и думает: «Надо дурня со свету сжить!»

Посылает опять слугу:

— Пойди скажи, чтобы перед свадьбой в баню сходил.

А сам велел чугунную баню докрасна накалить. Подойти к ней нельзя, не то что мыться.

Сказали дурню. Он в баню пошёл, а впереди его Морозко со своей соломой идёт. Подходят они к бане — прямо огнём палит, от жару дух захватывает. Морозко раскинул солому — сразу такой холод, что дурень насилу помылся. Полез на печь и сидит греется.

Вот царь посылает слуг — думает, что от него только прах остался. А дурень посиживает себе на печи:

— Плохая у царя банька! Так холодно, словно всю зиму не топили.

Царь смутился даже. Ну что с ним ещё делать?

Думал, думал, думал... Придумал и говорит:

— Идёт на нас соседний король войной. Вот я и хочу испытать женихов: отдам свою дочку за того замуж, кто окажется самым храбрым витязем.

Собралось много витязей на войну. И старшие братья на своих лошадках поехали, а у дурня и коня даже нет. Выпросил он у царского конюха старую-престарую куцую кобылу, еле-еле тащится по дороге. Все витязи давно его уже обогнали, а он трюх-трюх — и ни с места.

Выходит из лесу ему навстречу древний старичок, который корабль помог ему получить.

— Не горюй, сынок, я тебе помогу, — говорит старичок. — Как поедешь большим лесом, с правой стороны увидишь развесистую липу. Ты и скажи: «Липа, липа, расступись!» Липа расступится, из неё выйдет осёдланный конь, а у седла привязана торба. Понадобится тебе помощь, ты только скажи: «Из торбы выходи!» Увидишь, что будет. А теперь прощай.

Обрадовался дурень, слез со своей куцей кобылы — только беда с ней одна! Сам бегом побежал в лес. Нашёл липу.

— Липа, липа, расступись!

Липа расступилась. Выехал из неё чудесный конь — грива золотая, сбруя, как жар, горит. На седле воинские доспехи лежат, а у седла торба привязана.

Дурень надел воинские доспехи, потом крикнул:

— Эй, из торбы выходи!

И вдруг повалило войско, видимо-невидимо...

Вскочил дурень на коня и впереди своего войска помчался на неприятеля.

Скоро повстречал неприятеля — кинулся он со своим войском и так стал рубить, что всех победил. Только уж под конец ранило его в ногу.

А в это время царь с царевной подъехали на бой

E.P.

посмотреть. Увидела царевна, что храброго витязя ранило, разорвала свой платок пополам. Одну половину себе оставила, а другой рану витязю перевязала.

Вот кончился бой, приехал дурень в лес, к липе: — Липа, липа, расступись!

Липа расступилась. Он всё спрятал: и коня, и торбу, и воинские доспехи. Сам опять надел свою заплатанную рубаху да старые штаны.

А царь уже победителя требует к себе. Гонцов разослал во все концы — ищут витязя, у которого рана платком царевны перевязана. Нигде такого нет. Тогда царь приказал искать среди всех подданных, а не только у богатых людей. И стали заходить слуги во все бедные избушки. Долго не могли никого найти. Наконец приходят двое царских слуг в избушку на самом краю города. Там старшие братья в это время за обедом сидели, а дурень пёк им лепёшки. И одна нога была у него перевязана платком царевны. Царские слуги тут же хотели вести его во дворец.

А он просится:

— Братцы, как я к царю такой лохматый пойду! Отпустите меня хоть в баню сходить. А вы тут с обедом меня подождите.

— Ну, ладно, только мойся скорей.

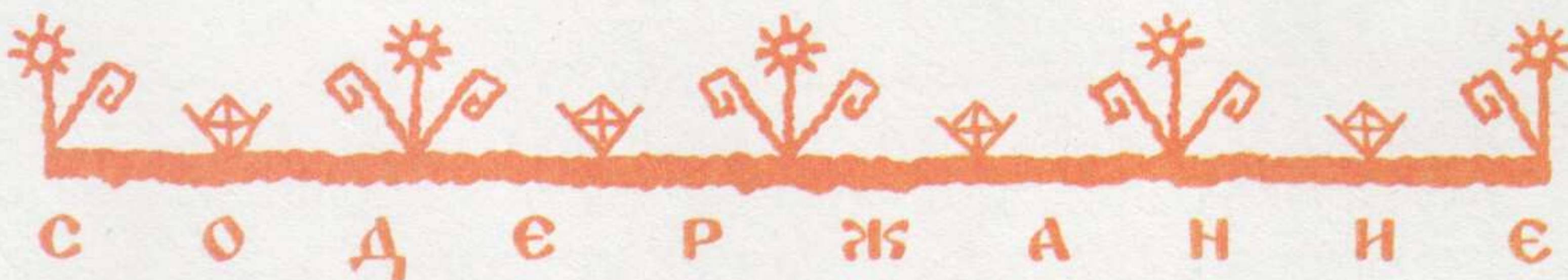
Сами за стол сели, лепёшки уплетают за обе щеки. А дурень в лес побежал. Прибежал к липе:

— Липа, липа, расступись!

Липа расступилась, выскочил конь. Дурень переоделся и стал такой видный да красивый — прямо загляденье. Вскочил на коня и поехал к царю.

Царь с царевной обрадовались, встретили витязя с почестями и тут же стали свадьбу справлять.

БОЛГАРСКИЕ СКАЗКИ

Пересказала Л. Грибова

ЧУЖИЕ ЦАРВУЛИ	5
ВОЛК И СОБАКА	8
КАК ЗАЯЦ ЧЕЛОВЕКА СПАС	13
ВОЛК, ЛИСА И ВЕРБЛЮД	17
ХРАБРЕЦ-МОЛОДЕЦ	20
ЗИМОВЬЕ В ЛЕСУ	22
ГЛУПЫЙ ВОЛК	30
ДРОЗД-ПОМОЩНИК	35
ЛЕВ И МЫШКА	36
ЕЖКО-БЕЖКО И СОЛНЦЕ	39
ЛИСА И ВОРОБЕЙ	44
КАК ЧЕРЕПАХА ПО ВОДУ ХОДИЛА	47

УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ

КИРИЛЛ КОЖЕМЯКА. Перевела Е. Благинина	52
ЗЛЫДНИ. Перевела Е. Благинина	58
РАЗУМНИЦА. Перевела Е. Благинина	63
СТАРИКОВА ДОЧКА И СТАРУХИНА ДОЧКА. Перевела Е. Благинина	70
ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ. Перевёл А. Нечаев	82

Для дошкольного возраста

ЧУДО ЧУДНОЕ

**Болгарские и украинские
народные сказки**

Составитель Л. И. Грибова

Художник Е. Рачёв

Редакторы Э. Степченко, О. Муравьёва
Художественный редактор М. Салтыков
Технические редакторы М. Матюшина, М. Копылова
Корректор Н. Пьянкова

ИБ № 3235

Сдано в набор 16.11.90. Подписано в печать 07.04.92. 60×90/8. Бум. офс. № 1.
Гарнитура школьн. Печать офсет. Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 50,0. Уч.-
изд. л. 8,28. Тираж 150 000 экз. Изд. № 11596. Заказ № 689. Издательство
«Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Тверской ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь,
проспект 50-летия Октября, 46.

Ч 4803000000—058 8—92
М102(03)—92

ISBN 5-213-01054-8

© Состав, пересказ болгарских сказок, предисловие. Грибова Лидия Ивановна, 1992
© Часть илл. Рачёв Евгений Михайлович, 1992
© Оформление. Перцов Владимир Валерьевич, 1992

